30 ОКТ 1968
СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
г. МИНСК

Творческие портреты

МАСТЕРСТВО И ОДЕРЖИМОСТЬ

На нашем дворе шумно жила гурьба мальчишек и среди них одна девчонка, вихрастая и синеглазая Ирка. По тому, во что и в кого они играли, можно было составлять репертуар минских кино и театров. Время такое—Тарзан, к счастью, уже не вопил с экранов, а Фантомас еще не попал в поле зрения кинопрокатчиков. И вот однажды я услышал за окном голос Ирки: «Я — комиссар!» Севка-заводила присвистнул: «А я тогда кто?!» Девчонка тотчас нашлась: «Ты будешь вожаком в отряде матросов. И будет это гражданская война...»

Ирка накануне была в Русском театре на улице имени Володарского и смотрела спектакль «Оптимистическая трагедия» с Александрой Климовой в роли Комиссара. Как мне тогда хотелось позвонить актрисе и сказать, что в Комиссара, созданного ею на сценических подмостках, играет десятилетняя девчонка с нашего двора; это, на мой взгляд, небывало лестно для художника!

А художник Александра Климова—самобытный и по-театральному броский. Однажды увидев ее в свете рампы, надолго запомнишь, переживешь минуты приобщения к действительно страстному искусству и непременно захочешь увидеть еще и еще. Есть в даровании Климовой нечто неотразимо притягательное, и какую бы роль она ни играла, ее героиня предстает перед нами натурой, богатой духовно, интеллектуально ищущей, зоркой, женщиной, способной томиться предчувствием бед или короткого счастья.

Возможно, и справедливо в артистах подобного дарования выделяют такое свойство, как умение лирически постигать характер в драме. Когда роль твоя делается как бы самым важным для тебя стихотворением, которое ты нынче вечером впервые произнесешь вслух. Климова натурально вписывается в ансамбль партнеров по сцене и в то же время всегда солирует, во всеуслышанье заявляя о своем «я». Делает это тактично, не нарушая общего рисунка и ритмической поступи драмы, но и настойчиво. У нее есть что сказать про свою героиню не только по тексту роли, а и по собственному художническому разумению жизни и человека.

Обобщенно говоря, сыгранные актрисой женщины — каждая по-своему, конечно! — исповедуются перед нами в своей главной страсти, проговариваются иногда о самом заветном, выдают жар сердца, требуя от нас, зрителей, восхищения перед цельными и бескомпромиссными натурами, перед Человеком с большой буквы. Личные горести и торжество этих героинь Климова умеет соотнести с гражданским раздумьем о назначении и призвании человека в жизни. А это дается далеко не каждому, даже очень большому мастеру.

Может быть, это лишь мое сугубо частное впечатление, но я отношу Климову к актрисам, нравственный идеал которых — в Комиссаржевской. Нет, не потому, что она тоже играет Ларису в «Бесприданнице» как трагедию втайне горделивого ума. И не потому, что Климова вне сцены мало похожа на театрального лицедея. Минская актриса выработала в себе отзывчивость на определенные темы в творчестве, и они-то, эти темы, извлекаются ею почти из каждой роли. А это уже индивидуальная самобытность в искусстве, уже неповторимо.

Едва ли в такого рода творчестве можно обойтись одними лишь личными переживаниями, хотя, когда глядишь на Климову в драмах Шекспира и Островского, Горького и наших современников, чувствуешь, что и ее тоже недетские печали на холодной площади встречали, что и ее эмоциональная память — богатый арсенал актерских волнений и исканий. Однако в игре Климовой есть и взлеты удивительно яркого творческого воображения, которое помогает ей сопрягать написанное драматургом с тем, как она сама жила бы, будь она тем же Комиссаром или Клеопатрой, Нилой Снежко в «Барабанщине» или Ларисой...

Да, в ее характерах мы видим щедрую россыпь убедительнейших и достоверных деталей: она умеет обживать любой костюм и даже любой вид оружия, обращаться с разнообразнейшим реквизитом и сохранять манеру говорить в стиле эпохи.

Это — мастерство безусловное. А вот художническая «хватка», крупный разворот характера, неизбывный и постоянный интерес к тому в героине, что «вне текста», и в душе и в устремлениях, — это как достигается и передается?

Пойдите, скажем, на «Детей солнца» или на «Маскарад», вспомните актрису в «Шестом июля» или в «Двое на качелях». Даже крушение всех надежд просветляет женщин, созданных Климовой на подмостках, и этой просветленностью художник судит или славит и самое человеческий характер, и общественный уклад.

Психологическая углубленность в разработке личности образа у Климовой начисто лишена того, что называют «душекопательством», — суетливого всеядства. Как бы ни стремилась актриса к бытовой достоверности, она раскрывает еще и мелодию одной жизни. Едва ли случайно почти все героини Климовой остро и непоказно ощущают музыку, эту речь без слов.

Даже в Комиссаре из «Оптимистической» и в Рашели из «Вассы Железновой» она приоткрывала приобщенность героинь к прекрасному как органическую черту характера и как дополнительную артистическую краску.

На спектаклях с участием Климовой мы иной раз наблюдаем чудо преображения художника. Это когда вдруг ее глаза кажутся огромными, а фигура титанической в наполненности страстным порывом. Это именно внутреннее преображение, когда согласно действуют в творческом акте и сама актриса и ее фантазия, дает такие результаты. И мы уносим, может быть, навсегда впечатление, что именно такими, а не иными, пусть даже не менее талантливо сыгранными, были, есть и должны быть Комиссар и Нила Снежко, Лариса и...

Нет, не буду сбиваться на перечень репертуарных вех этой интересной актерской биографии. Радостно, что биография складывалась на наших глазах, что вдохновение и мастерство актрисы адресовались нам и что этот талант теперь удостоен высшего в стране звания: Александра Ивановна стала народной артисткой Советского Союза. Это справедливо, это завоевано подвижническим трудом и стремлением художника открывать новое, утверждая в жизни правду и красоту.

Борис БУРЬЯН.